

Вернувшись в деревню, Лю Гуюй отправился к дому деревенского старосты одолжить вола. Они только-только вступили в весну, ещё не настала самая горячая пора полевых работ, и некоторые семьи пока даже не выходили в поля. Например, семья деревенского старосты: несколько му полей у них всё ещё пустовали, а домашний вол был привязан в хлеву, лениво жевал траву, помахивая за крупом хвостом, похожим на крепкий длинный кнут.

У их семьи было две му земли, и Чэнь Саньси работал один; как ни крути, на перепашку нужно было дня три. Конечно, если не останавливаться и гнать работу изо всех сил, можно было управиться и за два дня, но ведь человека наняли не для того, чтобы обращаться с ним как со скотиной, всё равно надо дать достаточно времени на отдых.

Одолжить вола на три дня - тут уже нехорошо было идти с пустыми руками. Как и прежде, Лю Гуюй пошёл с гостинцем. Как раз сегодня Цуй Ланьфан напарила много баоцзы, и он сложил целую большую тарелку и отнёс. Баоцзы оставил, а вола увёл.

Взяв с собой плуг, Лю Гуюй отвёл Чэнь Саньси показать, где находятся две му земли их семьи, а дальнейшую работу уже поручил ему. Время было не раннее, но и самому ему сегодня предстояло немало хлопот: ещё надо было идти за сахарным тростником, а после полудня должны были прийти люди продавать бамбуковые трубочки. У него правда не было времени оставаться в поле и помогать Чэнь Саньси осваивать вспашку, к тому же он посмотрел: движения Чэнь Саньси были умелыми, куда надёжнее, чем у него, полного постороннего в этом деле.

Лю Гуюй вернулся домой, вытолкал маленькую тележку и отправился за сахарным тростником. В деревне была одна семья по фамилии Хэ, хозяина звали Хэ Дачуань, и во всём Шанхэцунь только они выращивали сахарный тростник. Из сахарного тростника можно было делать сахар, поэтому он стоил немного дороже риса и пшеницы. Лю Гуюй покупал его по двенадцать взней за цзинь. С прошлого года, как только тростник поспел, он начал брать у них и уже считался постоянным покупателем.

Обычно за один раз он покупал не меньше семи-восьми стеблей, а то и больше, но сегодня Лю Гуюй смог купить только четыре.

Лю Гуюй даже спросил:

— Почему в этот раз всего четыре?

Хэ Дачуань почесал голову и немного смущённо сказал:

— Хэй, ну, этот... уже второй месяц, сахарный тростник скоро выйдет из сезона, в поле его всё меньше и меньше. Остальное уже суховатое, без вкуса. Эти четыре стебля я специально отобрал.

Если посчитать по времени, оно и правда было так.

Лю Гуюй, услышав объяснение, не стал подозревать ничего лишнего и ещё с улыбкой утешил:

— Ничего страшного, весна началась, скоро можно будет высаживать рис. Зерно тоже можно продать за деньги!

Хэ Дачуань сухо рассмеялся пару раз и проводил Лю Гуюя.

Только когда тот ушёл, он, заложив руки за спину, повернулся к дому и с хмурым лицом крикнул:

— Выходи!

Вскоре из дома с явной неохотой вышел гэр средних лет. По выражению лица он, кажется, был ещё и недоволен. Он уставился на Хэ Дачуаня и громко сказал:

— Это на кого ты такую кислую рожу тянешь!

Хэ Дачуань тоже был недоволен. Заложив руки за спину, он сказал:

— Чего ты вообще добиваешься?! В комнате ведь ещё несколько стеблей осталось, почему не продал? Если сгниют, что тогда делать!

Гэр средних лет был фуланом Хэ Дачуаня. Он скривил губы и недовольно сказал:

— Я всё от Хуэйлань слышал: в городе сахарный тростник продают по шестнадцать вэней за цзинь! А этот Лю-гэр слишком уж обирает, берёт всего по двенадцать вэней! На одном цзине целых четыре вэня меньше, ты сам посчитай, сколько денег в сумме теряем!

Хэ Дачуань закатил на него глаза и сердито сказал:

— Не слушай её болтовню!

Сахарный тростник действительно был недешёвым. Если продавать специально в сахарную мастерскую, где делают сахар, цена могла быть и выше шестнадцати вэней! Но они были обычными мелкими крестьянами без связей, и если пойти продавать в такую мастерскую, цену наверняка прижмут; может, и двенадцати вэней, которые давал Лю Гуюй, не дадут. Те, кто мог открыть сахарную мастерскую, не были простыми семьями. Обманут - значит, обманут, и им даже пожаловаться будет некуда.

Можно было ещё отвезти тростник на овощной рынок и кричать, продавая вразнос, но это и времени, и сил требует, да и продаётся плохо! Сахарный тростник недешёвый, но ведь это и не

мясо. Иногда купить кусок, чтобы подсластить рот, ещё можно, но какая семья станет покупать его целыми стеблями один за другим! Уж лучше пойти в зерновой магазин и отвесить несколько цзиней риса.

Стоило заговорить об этом, и Хэ Дачуань вздохнул. Он давно не хотел выращивать сахарный тростник, но та му земли будто заколдована: кроме тростника, что ни посади, всё погибает.

Хэ Дачуань снова закатил глаза на фулана и пробормотал:

— Тогда с Лю-гэром уже всё обговорили. Он каждый раз берёт много, ещё и сам приходит за товаром, конечно, это должно быть на один-два вэня дешевле, чем если бы мы сами тащили тростник в город и продавали поштучно.

Говоря это, он ещё вздохнул, словно чувствовал, что очень подвёл Лю Гуюя.

А фулан Хэ лишь свирепо сверкнул на него глазами, повернулся и снова вошёл в дом, изо всех сил захлопнув дверь с громким стуком.

Хэ Дачуань снаружи всё ещё хлопал себя по бедру и кричал:

— ...Ах ты старый гэр, ну почему же ты такой неразумный!

Лю Гуюй пока не знал, какие дела устроили между собой супруги. Он притащил домой несколько стеблей сахарного тростника, и едва вошёл в ворота, как увидел, что Баньбань сидит в кухне и кипятит воду.

Он крикнул в дом:

— Баньбань, налей мне чашку воды!

Цинь Баньбань поспешно налила воды и вынесла ему. Опустив глаза и бросив взгляд на тростник в руках Лю Гуюя, она удивлённо «эйкнула» и спросила:

— Почему сегодня всего четыре стебля?

Лю Гуюй сделал два больших глотка воды, а потом махнул рукой и ответил:

— Ай, сахарный тростник скоро выйдет из сезона, наверное, в поле его тоже уже немного.

Цинь Баньбань взяла из рук Лю Гуюя чашку, затем склонила голову набок и с сомнением сказала:

— Да вроде нет? Я позавчера ходила копать дикую зелень и проходила мимо тростникового поля дядюшки Хэ. На вид там ещё довольно много.

Лю Гуюй на мгновение замер, на лице мелькнуло сомнение, но очень быстро он снова легко и весело улыбнулся, похлопал Цинь Баньбань по плечу и сказал:

— Ай, не будем об этом. Всё равно сезон сахарного тростника скоро кончится, ещё немного продадим и будем менять на новинку. Лучше подумать, что продавать дальше!

Сказав это, он подтолкнул Цинь Баньбань в дом, достал из кухонного шкафа кувшин для воды и налил полный.

— Забыл передать воды Саньси. Он работает физически, целый день без воды никак нельзя! Баньбань, отнеси ему кувшин!

Он отправил Баньбань наружу, а сам принялся разбирать принесённый сахарный тростник.

Цуй Ланьфан, которая рядом шила одежду, тоже слышала их разговор. Когда Баньбань, обняв кувшин, выбежала наружу, она взяла корзинку с иглами и нитками, подошла к Лю Гуюю и села рядом.

Весна началась, пора было менять одежду на весеннюю, а семья Цинь давно уже не шила новой тонкой одежды. Двое детей к тому же росли; прежде ей оставалось только отдавать эрлану старую одежду его старшего брата, а Баньбань носила её прежние вещи. Рукава и штанины были длиннее на целый кусок, но ничего не поделаешь, всё же лучше, чем мёрзнуть.

Теперь в доме появились деньги, и детям тоже можно было выкроить по две подходящие весенние рубашки: через несколько дней как раз смогут носить. В прошлый раз, когда шили зимнюю одежду, покупали некрашеное полотно. Теперь началась весна, в деревне повсюду распустились цветы, розовые, белые, и одежду тоже следовало носить поярче, особенно детям. В таком возрасте им не стоило одеваться слишком старомодно.

Она купила ткань цвета осенней зелени, мандариново-жёлтую и бледно-синюю. Цвет осенней зелени предназначался Гуюю: он был не слишком тёмным, но выглядел сдержанно и подчёркивал его кожу. Мандариново-жёлтый был ярким, как раз подходил девочке возраста Баньбань. А что до эрлана, она видела, что многие учащиеся в городе любят носить синие рубашки, так что бледно-синий тоже был уместен.

Три куса ткани - все Цуй Ланьфан выбирала очень внимательно.

Она наклонилась, зубами перекусила вышивальную нить, а затем спросила Лю Гуюя:

— Гуюй, семья Хэ, может, не хочет больше продавать нам сахарный тростник?

Лю Гуюй нахмурился и сразу не смог найти причину, поэтому только покачал головой и ответил:

— Не знаю. Но, матушка, ты тоже не переживай. То, что я сейчас сказал Баньбань про то, что перестанем продавать воду из сахарного тростника, не было утешением. Я и правда хочу сменить товар.

Цуй Ланьфан кивнула и снова спросила:

— А что продавать? Дай подумать... Воду из мушмулы? Тоже не выйдет, мушмула вся идёт на желе! Вишню... но вишня ещё не поспела! Слишком рано, сейчас и фруктов-то почти нет.

Лю Гуюй успокаивающе похлопал Цуй Ланьфан по плечу и легко улыбнулся:

— Пока не будем продавать фруктовую воду. Я собираюсь сменить тележку на побольше: с одной стороны продолжать продавать сладости, а с другой - продавать крахмальные колбаски.

Цуй Ланьфан склонила голову, ещё сильнее удивившись.

— Что такое? Какие колбаски?

Лю Гуюй:

— Крах-маль-ные кол-бас-ки.

Цуй Ланьфан:

— А что такое крахмал?

Лю Гуюй:

— Это цянфэнь.

Цуй Ланьфан удивилась ещё больше:

— Из цянфэня можно делать колбаски?

На лице Лю Гуюя была улыбка, он весело сказал:

— Ай-ё, разве вы не доверяете моему мастерству?

Сказав это, он поспешно сменил тему, потянул ткань в руках Цуй Ланьфан и спросил:

— Матушка, а себе ты ткань не купила?

Внимание Цуй Ланьфан действительно отвлеклось. Она смущённо сухо рассмеялась:

— У меня есть что носить. Я уже в таком возрасте, мне достаточно хорошо есть и хорошо жить, к новой одежде я не стремлюсь.

Лю Гуюй сказал:

— Ну как же так! Ещё немного времени пройдёт, мы, младшие, все будем в новой одежде, а ты одна - в старой. Деревенские увидят и ещё подумают, будто мы непочтительны!

Цуй Ланьфан:

— Э-э... это...

Тут Цуй Ланьфан и правда не знала, как возразить. По её мнению, её дети были почтительными. Гуюй не был связан с ней кровью, но всегда почитал и любил её как родную мать, ничуть не хуже родных. Если кто-то скажет, что её дети непочтительны, Цуй Ланьфан первой не согласится! Но в деревне людей много, если начнут все наперебой судачить, тогда и правда будет не объясниться.

Увидев, что лицо Цуй Ланьфан полно колебаний, Лю Гуюй стал ковать железо, пока горячо:

— Когда послезавтра закончу торговать на лотке, пойду в магазин тканей и выберу тебе хороший кусок. Мама, какого цвета ткань ты хочешь?

Цуй Ланьфан была тронута. Она немного поколебалась, но в конце концов не отказалась и с улыбкой сказала:

— Тёмного, наверное. Он не так пачкается.

Лю Гуюй кивнул, но в итоге принёс отрез павлинье-синего цвета. По сравнению с тремя их кусками ткани этот цвет действительно был темнее и пачкался не так легко, только всё же был ярковат. Разве в деревне женщины её возраста не носили серое да землисто-жёлтое? Она ещё не видела, чтобы кто-то носил такой яркий синий: на солнце он будто светился. Цуй Ланьфан не осмеливалась выйти в нём наружу, боялась, что люди засмеют. Но у Лю Гуюя и на это был

способ. Вечером накануне он выстирал обе старые смены одежды Цуй Ланьфан, так что на следующий день ей волей-неволей пришлось надеть новое, отчего Цуй Ланьфан не знала, смеяться ей или плакать.

Но это уже было потом, а пока вернёмся к настоящему.

Цинь Баньбань, обняв кувшин с водой, вышла из дома. По дороге ей встретилось несколько деревенских, и мужчины, и женщины; она всем улыбнулась и поздоровалась.

— Ай-ё, девчушка Цинь, смотрю, стала красивее, кожа намного белее! И сама стала открытее, разговорчивее, всё разумнее. Мужчина семьи Цинь там, под землёй, тоже может быть спокоен.

— Ай, и одеваться стала лучше. Раньше две серые, залатанные вещи туда-сюда меняла. А теперь посмотрите: в волосах цветы носит! Несколько дней назад я видела на ней пару жёлтых цветов, а сегодня уже сменила на розовые. Видно, у семьи Цинь жизнь и правда налаживается.

— А разве они не заработали денег... вы что, не видели? Поля семьи Цинь теперь вообще нанятым человеком обрабатываются, тем самым мальчишкой Чэнь, что живет у подножия Ланкоу!

...

Голоса пересудов позади не смолкали, но Цинь Баньбань делала вид, что ничего не слышит, и, обнимая кувшин с водой, побежала ещё быстрее.

Их семья действительно заработала денег. О том, что они ставят лоток в городе, деревенские и так знали; зимой вся семья ещё сшила новую одежду, а этой весной второго брата отправили учиться в академию. Эти дела и скрыть-то было невозможно, а раз деревенские узнали, пересудов было не избежать.

Ну и пусть обсуждают, обсуждения не мешают им зарабатывать деньги!

Так думала Цинь Баньбань.

Она уже почти дошла, но ещё не успела приблизиться, как издали услышала несколько кислых, пропитанных завистью слов.

— Ай, семья Цинь и правда разбогатела. Всего-то две му, а сами ленятся, ещё и человека нанимают сажать!

— И неизвестно, сколько денег потратили... Эй, мальчишка Чэнь, сколько тебе Лю Гуюй платит? Заставляет тебя одного пахать две му земли, как мула запряг!

Едва Цинь Баньбань услышала первую фразу, она сразу поняла, кто говорит: это была Юй Чуньхун. Та самая, что прежде арендовала их землю. Арендовала их поля, потом ещё тянула и не хотела отдавать деньги, а теперь, когда землю забрали обратно, снова пришла и кисло шипит какую-то чепуху!

Цинь Баньбань вовсе не радовалась, слушая такое. Обняв кувшин с водой, она бросилась вперёд.

<http://bllate.org/book/17177/1863032>